

КАРЛЪ ГЕККЕРЪ,

ДО ВОСТРЕВОВАНІЯ ЗДѢСЬ.

(Лѣтній романъ.)

Уже два года поручикомъ, а у меня не было еще ни одного романа! — часто говорилъ себѣ со вздохомъ поручикъ фонъ Голькеръ, сидя въ свободное отъ службы время у себя дома и предаваясь пріятному кейфу. Въ эти минуты онъ обыкновенно располагался на диванѣ, подложивъ подъ локоть великолѣпно вышитую подушку, облеченный въ пестрый халатъ и турецкую феску, съ моноклею въ глазу и съ наслажденіемъ посасывалъ сигару въ длинномъ пенковомъ мундштукѣ, изображавшемъ одалиску. Однако всѣ эти атрибуты Востока не помогли ему до сихъ поръ завязать ни одного любовнаго приключенія. А между тѣмъ онъ ожидалъ, что его жизнь сложится совершенно иначе; но волею судебъ юношу прикомандировали къ маленькому гарнизону и чортъ занесъ его въ скучнѣйшій провинціальный городишко, гдѣ процвѣтала мѣщанская добродѣтель, тогда какъ ему нужно было „широкое поле дѣятельности“, и онъ жаждалъ колоссальныхъ подвиговъ на поприщѣ ловеласничества, короче, былъ созданъ для столичной жизни.

Увлечь какую нибудь знатную красавицу изъ высшаго общества, пожалуй, изъ придворныхъ сферъ или хотя бы даже принцессу, — было вовсе не трудно для поручика Голькера, живи онъ въ большомъ городѣ. Раздушенная записочка сообщаетъ ему объ этой внезапно вспыхнувшей страсти, которую онъ, разумѣется, готовъ раздѣлить; замаскированная дуэнья проводитъ его съ завязанными глазами потайнымъ ходомъ въ будуаръ красавицы и, пожалуй, на другое же утро онъ прочиталь-бы въ военномъ листкѣ или услыхаль отъ своего полковаго командира, что его повысили въ чинѣ монаршей милостью и перевели въ генеральный штабъ.

Между тѣмъ при настоящихъ плачевныхъ обстоятельствахъ онъ походилъ на клячу, которая вертитъ мельничное колесо и съ утра до ночи топчется на одномъ мѣстѣ, нисколько не подвигаясь впередъ. Что изъ того, что онъ ежедневно вычеркивалъ краснымъ карандашемъ изъ списковъ двоихъ сослуживцевъ, стоявшихъ выше его, если они каждый разъ опять воскресали и послѣ легкаго нездоровья становились снова бодрыми и годными на службу?

Такимъ образомъ, не смотря на свои таланты и элегантныя манеры, Голькеръ не имѣлъ шансовъ сдѣлать свою карьеру быстрѣе другихъ. Было отъ чего придти въ отчаяніе!

Предаваясь такимъ печальнымъ размышленіямъ, поручикъ не замѣтилъ, что передъ его глазами начинается завязка романа, о которомъ онъ такъ давно мечталъ. Героиней любовнаго приключенія явилась здѣсь впрочемъ не знатная, вліятельная дама, рисовавшаяся въ его смѣлыхъ мечтахъ, а просто миловидная дѣвочка, выходившая въ эту минуту съ книгами подъ мышкой изъ пансіона для дѣвицъ, который помѣщался черезъ улицу. Ея подруги давно убѣжали впередъ, весело болтая и посмѣиваясь надъ туркомъ, сидѣвшимъ у окна, но она нарочно замедлила шагъ, заинтересовавшись смазливymъ поклонникомъ пророка.

Взглядъ поручика совершенно случайно встрѣтился съ синими глазками, откуда такъ томно смотрѣла мечтательная душа шестнадцатилѣтней дѣвушки.

Нашъ турокъ не могъ не чувствовать себя польщеннымъ и отвѣчалъ ей взглядомъ полнымъ страсти; голубые глазки потупились, но десять шаговъ спустя, снова робко начали перестрѣлку, которая закончилась на сегодня послѣднимъ залпомъ, когда ихъ обладательница исчезла наконецъ за угломъ.

До сихъ поръ поручикъ фонъ Голькеръ не обращалъ вниманія на милыхъ дѣвочекъ, проходившихъ ежедневно подъ его окнами; даже ихъ задорное хихиканье не оскорбляло его, такъ какъ онъ былъ поглощенъ болѣе возвышенными предметами. Но сегодня, въ первый разъ его осѣнила мысль, что въ любви какъ и въ чинахъ, должна существовать извѣстная градация, и что здѣсь, какъ и на службѣ, прежде чѣмъ достигъ бѣльшаго, нужно довольствоваться маленькимъ. Кромѣ того онъ узналъ, что хорошенькая пансіонерка, такъ явно почтившая его своей благосклонностью, была никто иная, какъ единственная дочь генерала, начальника мѣстнаго гарнизона. Это показалось ему недурнымъ началомъ. И такъ, продолжая нѣкоторое время перестрѣлку со своей защищенной, возвышенной позиціи, онъ въ точности ознакомился съ положеніемъ непріятеля и перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Счастье Цезаря сопутствовало ему въ этой смѣлой экспедиціи и нѣсколько недѣль спустя были уже готовы вступительныя главы романа; онъ наполнялись томными взглядами, короткими, но краспорѣчивыми поклонами при встрѣчѣ и дѣятельной любовной перепиской. Правда, это было не много, но случай пришелъ на помощь изобрѣтательности автора.

Съ наступленіемъ лѣта его назначили начальникомъ солдатской школы плаванія.

Рѣка, гдѣ производились эти упражненія, протекала невдалекѣ отъ города. Ежедневно при хорошей погодѣ туда же приходили купаться воспитанницы пансіона, подъ надзоромъ начальницы. Само собой разумѣется, что пансіонская купальня находилась далеко отъ солдатской, выше по теченію и на противоположномъ берегу. Предупрежденный заранѣе о приходѣ пансіона, поручикъ Голькеръ каждый разъ посылалъ своего денщика на ту сторону рѣки съ полнымъ гардеробомъ, который прятался въ опредѣленномъ мѣстѣ въ кусты; самъ онъ переплывалъ довольно широкую и глубокую рѣчку;

одѣвался въ прибрежныхъ кустарникахъ и поджидалъ возлюбленную приблизительно на половинѣ разстоянія между обѣими купальнями; она-же старалась поскорѣе выйти изъ воды, торопливо кончала свой туалетъ и уходила раньше подругъ.

Только благодаря этой хитрости, молодымъ людямъ удавалось проводить наединѣ нѣсколько минутъ. Время летѣло для нихъ слишкомъ быстро,

хриплый голосъ начальницы, фрейлинъ Идуны Леренкраусъ, скоро разгонялъ ихъ въ разныя стороны; она спѣшила къ своимъ товаркамъ, а онъ бросался въ прохладныя волны рѣки. При наступленіи сумерекъ, на мѣстѣ нѣжной любовной идилліи, разыгрывался комическій дивертисментъ, когда, подвыпившій въ сосѣдней деревнѣ, вѣрный денщикъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, собиралъ въ кустахъ принадлежности гардероба своего барина.

Читатель видитъ, что положеніе нашихъ влюбленныхъ имѣло отчаянное сходство съ любовной драмой, разыгравшейся тысячелѣтія назадъ на берегахъ Босфора и прекрасно воспѣтой великимъ поэтомъ. Это было замѣчено нашими героями и такъ какъ монограммы другихъ влюбленныхъ паръ, извѣстныхъ цѣлому свѣту, какъ Ромео и Юлія, Пирамъ и Тизба, Павелъ и Виргилія, Германъ и Доротея, являлись черезчуръ избитыми, то наши молодые люди рѣшили съ этихъ поръ выставлять на конвертахъ своихъ писемъ до востребованія литеры Г. Л. и цифру 2, обозначающую, что они представляютъ собою второе и разумѣется, усовершенствованное изданіе Геро и Леандра. Но нельзя безнаказанно уподоблять себя такимъ трагическимъ героямъ.

Фрейленъ Идуна Леренкраусъ, воплощавшая въ себѣ въ настоящемъ случаѣ злой рокъ, была не чужда любовныхъ вождѣленій, не смотря на свой хриплый голосъ, почтенныя лѣта и далеко не соблазнительную наружность. Она состояла со времени сѣдой старины, то есть, точнѣе говоря, съ того времени, когда она сама начала сѣдѣть, въ нѣжныхъ отношеніяхъ съ учителемъ мужской семинаріи, который былъ гораздо моложе ея и жилъ въ другомъ городѣ. При образцовомъ цѣломудріи этой дамы, занимавшейся воспитаніемъ женскаго юношества, ихъ отношенія конечно имѣли цѣлью, законный бракъ.

Однако предметъ ея страсти былъ не только сравнительно молодъ, но и обладалъ въ высокой степени всѣми пороками молодости: онъ пилъ, игралъ, бѣгалъ за женщинами и постоянно находился въ финансовыхъ затрудненіяхъ, почему рѣшительно не могъ подвинуться на столько въ своей учительской карьерѣ, чтобы получить мѣсто, которое, по его словамъ, было обѣщано ему однимъ вліятельнымъ лицомъ; между тѣмъ безъ этого онъ не могъ жениться. Зная все это, Идуна не переставала пылать къ нему любовью. Кто можетъ постичь капризы шаловливаго божка, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ направляетъ свои стрѣлы въ полуразрушенную руину? Такъ какъ молодой человѣкъ въ минуту слабости, поклялся жениться на старой дѣвѣ и она не имѣла шансовъ принудить другого къ такому-же отчаянному шагу, то Идуна не хотѣла выпустить своей жертвы.

Эта влюбленная парочка также вела корреспонденцію и фрейленъ Леренкраусъ, не желая подавать дурного примѣра, была вынуждена получать подъ условленными инициалами письма отъ своего возлюбленнаго, въ которыхъ, къ сожалѣнію, обыкновенно заключались посягательства на ея карманъ. Женихъ Идуны по странному стеченію обстоятельствъ также выбралъ для монограммы литеры Г. Л. конечно, не въ видѣ на-

мека на классическую трагедію, но просто потому, что родители окрестили его прозаическим именемъ Генриха, а фамилія его была Леманъ. Но такъ какъ вѣтренный учитель, не смотря на щедрость легковѣрной Идуны, иногда нарушалъ данное ей торжественное обѣщаніе, писать ей по одному письму еженедѣльно, что составить четыре письма ежемѣсячно, то она для лучшаго контроля надъ нимъ, потребовала, чтобы онъ нумеровалъ свои письма.

Послѣ долгаго періода холодной дождливой погоды, на второй недѣлѣ августа мѣсяца, лѣтнее солнце выглянуло наконецъ, изъ за облаковъ и принялось съ удвоеннымъ рвеніемъ припекать смертныхъ; оно какъ будто еще разъ хотѣло доказать, что его владычеству пока не наступилъ конецъ. И вотъ, когда дневное свѣтило достигло какъ разъ зенита своего усердія, ровно въ полдень, передъ почтовымъ бюро, которое энергически осаждалось со всѣхъ сторонъ толпой прислуги, деньщиковъ и посыльныхъ, появилась хорошенькая дѣвушка; она старалась скрыть свое раскраснѣвшееся личико нотнымъ портфелемъ, судорожно сжатымъ въ рукѣ. То была Берта, генеральская дочка, подававшая такія блестящія надежды. Она давно уже прохаживалась взадъ и впередъ мимо почтамта, не смѣя вмѣшаться въ толпу грубыхъ мужчинъ; однако приближеніе противной содержательницы пансіона, вынырнувшей изъ за угла, придало ей титаническія силы.

— Г. Л. 2, — прошептала Берта чуть слышно.

— Какъ? что? — нетерпѣливо крикнулъ чиновникъ, раздраженный тѣмъ, что его такъ долго задерживали.

— Г. Л. 2, — раздалось немного явственнѣе; въ голосѣ дѣвочки слышались почти рыданія.

Чиновникъ принялся разбирать толстую пачку писемъ.

— Городское или загородное? — грубо спросилъ онъ пристально и строго взглянувъ черезъ очки на маленькую грѣшницу.

— Загородное, — вымолвила Берта, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

Такой отвѣтъ показался ей болѣе благоразумнымъ и къ тому-же она не имѣла времени его обдумать. Злой старикъ опять посмотрѣлъ на нее, какъ будто угадывалъ, что происходитъ съ нею; у Берты готовы были брызнуть слезы; она торопливо бросила письмо въ нотный портфель и выбѣжала вонъ.

Чиновникъ только что хотѣлъ запереть форточку и въ его воображеніи рисовался уже со всѣми атрибутами вкусный обѣдъ у домашняго очага, какъ предъ нимъ предстало воплощеніе поджарости въ лицѣ почтенной фрейленъ Идуны Леренкраусъ.

— Что вамъ здѣсь нужно? — воскликнулъ онъ въ неподдѣльномъ ужасѣ.

— Письмо до востребованія, Г. Л. 2, — съ достоинствомъ отвѣчала фрейленъ.

— Подучите! — Идуна едва успѣла подхватить вышвырнутый ей конвертъ, какъ форточка громко захлопнулась передъ ея носомъ.

— Грубіянь! — произнесла старая дѣва, пряча письмо за корсажъ, гдѣ несмотря

на искусственныя приспособленія, придававшія ей нѣкоторую полноту, было достаточно мѣста для цѣлой регистратуры. Послѣ того, не слыша не советѣмъ лестныхъ эпитетовъ, посланныхъ ей вдогонку чиновникомъ изъ за рѣшетки, Идуна съ важной осанкой направилась домой.

Между тѣмъ Берта вбѣжала въ свою комнату, задыхаясь, какъ затравленная лань, и тотчасъ разразилась неудержимымъ потокомъ слезъ. Не смотря на это, ей все-таки удалось прочитать до обѣда письмо, доставшееся такъ дорого. Дѣвушка торопливо разорвала конвертъ; ей бросился въ глаза незнакомый, дрожащій почеркъ, но она не обратила на это вниманія, до того ужасно было содержаніе самого письма:

„Все пропало! Несчастливая сотня талеровъ могла бы спасти меня. Въ противномъ случаѣ мнѣ придется выбирать между позоромъ или смертью. Сегодня, въ тотъ самый часъ, когда я былъ осчастливленъ твоимъ поцѣлуемъ, меня обвинитъ смерть, холодная смерть въ волнахъ рѣки! Прощай! Прости на вѣкъ! Твой несчастный

Генрихъ“.

Можно себѣ представить, что произошло въ шестнадцатилѣтней душѣ генеральской дочки; по несчастному совпаденію, ея возлюбленный также назывался Генрихомъ. Никогда еще не подписывался онъ полнымъ именемъ, и сдѣлалъ это лишь сегодня, въ торжественную, роковую минуту. — Твой несчастный Генрихъ! — Какъ отчаянно звучали эти слова! Берта слышала отъ своего папа, что юные поручики болѣе прочихъ смертныхъ подвержены финансовымъ затрудненіямъ. Недавно одинъ изъ такихъ несчастныхъ даже застрѣлился по этой причинѣ, о чемъ писали въ газетахъ. „Однимъ вертопрахомъ стало меньше“, — сказалъ тогда ея отецъ съ непонятной суровостью, но Берта искренно пожалѣла бѣднаго юношу. И вотъ теперь онъ — ея возлюбленный, изъ за жалкой сотни талеровъ!... Великій Боже!... Надо пересчитать деньги въ своей копилкѣ. Но тамъ оказалась едва десятая часть требуемой суммы, а между тѣмъ она должна помочь ему, спасти его?... Но какъ? Какимъ образомъ?...

Остатокъ разсудка подсказывалъ ей, что письмо написано чужой рукой; но кто знаетъ, какъ можетъ измѣниться почеркъ въ минуты смертельнаго страха? Пожалуй, онъ искажается, какъ и лицо, до неузнаваемости. Или, пожалуй, Генрихъ успѣлъ уже привести въ исполненіе свой убійственный планъ? Можетъ быть, вѣрный товарищъ написалъ ей вмѣсто того, чья рука успѣла похолодѣть и застыть въ пучинѣ волнъ. Можетъ быть, всякая помощь теперь бесполезна?

Всѣ эти мысли промелькнули, какъ молнія, въ головѣ Берты, а между тѣмъ изъ нижняго этажа послышался уже второй звонокъ къ обѣду. Пунктуальный генераль придерживался и въ семьѣ военной дисциплины. Но сегодня этотъ мирный зовъ къ обѣду звучалъ въ ухахъ Берты погребальнымъ звономъ.

Наконецъ при третьемъ усиленномъ звонкѣ, блѣдная, убитая горемъ, вся въ слезахъ, бросилась она съ лѣстницы. Генераль сидѣлъ уже за столомъ съ салфеткой на

на шеѣ; онъ встрѣтилъ строгимъ взглядомъ провинившуюся дочь, но та смѣло бросилась къ его ногамъ, подала ему письмо и призналась во всемъ.

Откровенная исповѣдь малютки конечно не прибавила аппетита старому воину. Онъ бросилъ салфетку на столъ, при чемъ у него невольно вырвалось крѣпкое слово. Генеральша разразилась слезами; лакей, несшій суповую миску, остановился, весь дрожа, за дверью и облилъ новыя перчатки куринымъ

бульономъ. Кухарка громко рыдала на кухнѣ, сама не зная, о чемъ.

Но гнѣвъ главы семейства улегся скорѣе, чѣмъ ожидали домашніе.

— Однако прохвостье-же этотъ Голькеръ! — проворчалъ онъ сквозь зубы. — Но погоди, милѣйшій, я тебѣ задамъ! Встань, Берта, — сказала онъ дочери, которая продолжала стоять передъ нимъ на колѣняхъ. — Бѣда не велика, и самое лучшее въ этой исторіи то, что ты по крайней мѣрѣ созналась въ своей винѣ. Вотъ чему вы учитесь въ вашихъ пансіонахъ! Но скажи мнѣ прежде всего, пойдете вы сегодня купаться и въ какое время?

— Въ пять, — отвѣчала Берта, которой только теперь пришло въ голову, что сегодня такой-же день, какъ и другіе, и время ни на одну секунду не замедлило своего правильнаго хода, несмотря на потрясающую драму, случившуюся съ ея Генрихомъ.

— Хорошо, дитя мое. Ступай съ своими подругами, какъ будто ничего не случилось. А теперь садись къ столу, вытри слезы и не мѣшай намъ обѣдать. Успокойся; на твоей душѣ не будетъ ни чего самоубійства.

Берта повиновалась, но обѣдъ вышелъ печальнымъ и не разъ горячая слеза скапывалась тайкомъ у ней на тарелку съ остывшимъ кушаньемъ. На рыбу она не могла и смотрѣть: ей вспоминалась при этомъ рѣка и утопленники.

Родители также были молчаливы. Послѣ обѣда генераль ушелъ въ свой кабинетъ и позвалъ жену.

Между тѣмъ цѣломудренная Идуна спокойнымъ, размѣреннымъ шагомъ вошла въ свою комнату, гдѣ ее также ожидалъ обѣдъ. За супомъ она хотѣла прочитать полученное письмо, но его было не такъ-то легко добыть изъ за корсажа; оно точно провалилось въ бездну и было вытащено на свѣтъ божій, такимъ-же чудомъ, какъ золотой кубокъ изъ пучины моря въ Шиллеровской балладѣ. Почтенная фрейленъ заранѣе угадывала содержаніе письма. Въ послѣдній разъ женихъ умолялъ ее въ отчаянныхъ

выраженіяхъ о высылкѣ денегъ, но она выказала достаточно стойкости и отказала ему, тѣмъ болѣе, что онъ потребовалъ довольно крупную сумму. Вѣроятно Генрихъ и сегодня будетъ осаждать ее просьбами и угрозами лишить себя жизни, что случилось уже не разъ, и ей придется уступить, если она не захочетъ разрушить всѣхъ своихъ плановъ на будущее. Но нѣтъ, она готова на всякую жертву, готова отдать всѣ съ трудомъ накопленные гроши, только-бы не лишиться Генриха!

И такъ, Идуна, съ покорностью судьбѣ, заглянула въ развернутое письмо. Но что это значить? Ложка, поднесенная къ ея губамъ, выпала у ней изъ рукъ и со звономъ покатила на полъ; и почеркъ и слогъ письма были очевидно чужими:

„Возлюбленная души моей!

„Наконецъ-то засіяло намъ снова солнце счастья. О, какъ я страдалъ подъ туманами разлуки! Лучезарный Фебъ, неужели ты обманешь? Нѣтъ, о нѣтъ! О, какъ жаждетъ мое сердце свиданія съ тобою.“

Тутъ слѣдовалъ приплетенный ни къ селу, ни къ городу отрывокъ изъ стихотворенія Гейне, гдѣ говорится о любви душистаго лотоса къ томной лунѣ. Потомъ пылкій поручикъ продолжалъ:

„И такъ я жду тебя сегодня вечеромъ въ обычное время въ назначенномъ мѣстѣ. Смотри, не опоздай. Пока твои подруги будутъ игриво плескаться въ царствѣ nereидъ, вырвись изъ объятій сладострастныхъ тритоновъ, которымъ я завидую. Пускай они ластятся къ костлявому тѣлу очаровательной Идуны и увлекутъ ее въ темныя нѣдра подводнаго царства, чтобы она не стояла намъ больше на дорогѣ. А ты, обожаемая Геро, спѣши въ объятія ожидающаго тебя подъ сѣнью кустарника

Леандра.“

Фрейленъ Леренкраусъ не сомнѣвалась, что письмо было адресовано не къ ней и попало по ошибкѣ въ ея руки. Неделikatный намекъ на ея скелетообразную фигуру ясно показывалъ, гдѣ надо искать настоящаго адресата. Въ пылу гнѣва она совершенно забыла о томъ, что письмо, адресованное къ ней, также попало не по назначенію; она думала только о наказаніи виновной, о мищеніи злодѣю, потому что они оба оскорбили ее не только какъ женщину, но и какъ воспитательницу.

Идуна рѣшилась одурачить влюбленную Геро и преподнести достойный сюрпризъ страстному Леандру. Женскій инстинктъ безошибочно подсказалъ ей, что она лучше всего достигнетъ послѣдней цѣли, явившись сама на мѣсто свиданія въ прибрежный кустарникъ.

Тѣмъ временемъ кони Феба достаточно приблизились къ закату; время купанья наступало; пансіонерки собрались и благородная Идуна, сдѣлавъ переключку, выступила въ путь со своимъ войскомъ. Ни одна черта въ лицѣ учительницы не выдавала коварнаго плана, созрѣвшаго у ней въ головѣ.

Между тѣмъ за полчаса до того времени, генераль также поѣхалъ верхомъ къ

мѣсту свиданія въ сопровожденіи своего ординарца. Онъ, конечно, не повѣрилъ угрозамъ поручика лишить себя жизни, а хотѣлъ накрыть его врасплохъ и отдѣлать хорошенько. Что касается Берты, то родители рѣшили отправить ее на другой-же день къ теткѣ въ деревню, а оттуда въ другое учебное заведеніе, которое находилось-бы подальше ото всякаго города, гдѣ квартируютъ гарнизоны, и могло исправить дѣвочку отъ ея слишкомъ ранняго пристрастія къ военному сословію.

Поручикъ фонъ Голькеръ, конечно, не догадывался о томъ, что его ожидало. Онъ съ ранняго утра наслаждался плаваніемъ въ волнахъ „кристально-свѣтлой стихіи“, добросовѣстно стараясь, чтобъ его ученики хорошенько продѣлывали предписанныя имъ упражненія.

Послѣ пяти часовъ онъ передалъ надзоръ за ними старшему унтеръ-офицеру, а самъ прошелъ полверсты по берегу, вверхъ по теченію, раздѣлся въ укромномъ мѣстечкѣ и бросился вплавъ на другую сторону рѣки.

Сильными руками разбѣгалъ онъ волны, которыя благополучно донесли его до цѣли. Онъ вышелъ на берегъ, нашель въ кустахъ свое платье и вскорѣ спѣшилъ въ полной формѣ, со шпагой на боку, навстрѣчу возлюбленной, чтобы вкусить въ ея нѣжныхъ объятіяхъ божественную награду за свою смѣлость.

Ему казалось уже, что онъ слышитъ мелодическій шелестъ ея шаговъ, но вдругъ — вся кровь остановилась у него въ жилахъ.

Вмѣсто очаровательной Берты, къ нему направлялась отъ женской купальни отвратительная Идуна. И когда несчастный въ ужасѣ бросился отъ нея въ противоположную сторону, къ мосту, то наткнулся лицомъ къ лицу на генерала, который, передавъ верховую лошадь ординарцу, шелъ прямо на него съ самымъ мрачнымъ и зловѣщимъ видомъ.

Одну минуту достойная Идуна заподозрѣла почтеннаго старика въ неблаговидныхъ поповеніяхъ, но вслѣдъ затѣмъ оба они громко вскрикнули отъ испуга.

Догадавшись, что его поймали врасплохъ, поручикъ, не видя другого пути къ отступленію, бросился внизъ головой съ крутого берега въ

рѣку и исчезъ подъ водой.

— Спасите! спасите! отвяжите лодку! Скорѣ сюда! — крикнулъ громовымъ

голосомъ генераль, внутренно упрекая себя въ томъ, что онъ такъ легко отнесся къ настоящему трагическому случаю.

— На помощь! на помощь!.. Человѣкъ тонетъ! — каркала, какъ старая ворона, добродѣтельная фрейленъ, у которой также заговорила совѣсть.

Хотя громовый голосъ генерала не совсѣмъ явственно достигалъ до солдатской купальни, но солдаты, замѣтивъ по близости строгаго начальника, давно уже втихомолку наблюдали за нимъ. Въ одну минуту двѣ лодки, каждая съ шестью проворными гребцами, были спущены на воду и направились къ мѣсту катастрофы.

Хриплые крики учительницы вызвали на берегъ также и весь пансіонъ, одѣтый, говоря по правдѣ, довольно поверхностно; только Берта лежала въ обморокъ въ объятіяхъ подруги.

Поручикъ фонъ Голькеръ былъ отличный пловецъ и хорошо нырялъ, но какъ извѣстно, и рыба не можетъ вѣчно оставаться въ глубинѣ рѣки. Онъ поневолѣ выплылъ на поверхность, чтобъ перевести духъ. Тутъ къ нему подоспѣли спасательныя лодки.

— Вонъ тамъ! вонъ тамъ! Онъ выплылъ!.. бросьте ему канатъ! Скорѣе, спѣшите, ради Бога!.. — вопили въ одинъ голосъ генераль, Идуна и ея пансіонъ.

Между тѣмъ поручикъ не хотѣлъ, чтобъ его втащили въ лодку, какъ пойманнаго карася. Онъ оттолкнулъ отъ себя спасательный кругъ и готовился снова нырнуть въ глубину, чтобы скрыться отъ множества любопытныхъ взглядовъ.

— Безумецъ! несчастный! Прыгайте за нимъ въ воду!.. Награда тому, кто его спасетъ! — гремѣлъ съ берега генеральскій голосъ и ему вторила цѣлая скала тоненькихъ голосковъ. Трое солдатъ прыгнули въ воду; какъ ни отбивался отъ нихъ неумышленный самоубійца, они втащили его въ лодку и повезли къ солдатской купальнѣ. Спасенный бросился отъ стыда ничкомъ на дно ялика, изъ чего стоявшіе на берегу заключили, что онъ уже мертвъ или покрайней мѣрѣ находится въ обморокъ.

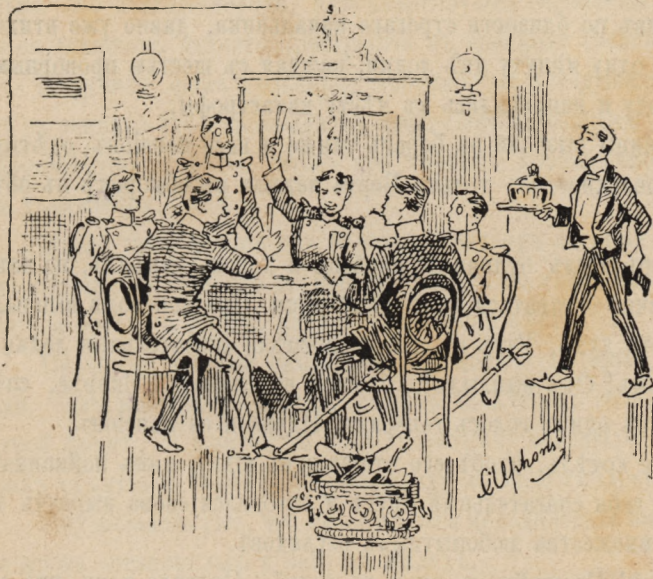
Фрейленъ Идунъ стоило невѣроятныхъ усилій собрать своихъ разбѣжавшихся цыплятъ. Генераль, которому ординарецъ снова подвелъ верховую лошадь, поскакалъ во весь духъ черезъ мостъ на противоположный берегъ, чтобы употребить всѣ средства вернуть къ жизни мнимаго утопленника.

Когда Идуна, окруженная толпою дѣвушекъ, также вышла на мостъ, генераль встрѣтилъ ее утѣшительнымъ извѣстіемъ, что поручикъ совершенно здоровъ и вовсе не замышлялъ самоубійства, а просто вздумалъ сдѣлать опытъ плаванія въ полной формѣ, но такъ какъ не предупредилъ о томъ начальство заранѣе, то подвергнется отвѣтственности за свое самовольство.

Его превосходительство отлично зналъ, въ чемъ дѣло, и принялъ мѣры, чтобъ искусный пловецъ не повторялъ опаснаго упражненія. Однако его родительскій гнѣвъ значительно остылъ послѣ этого неожиданнаго эпизода.

На слѣдующій день поручикъ фонъ Голькеръ былъ отставленъ отъ должности учителя плаванія.

За то онъ долгое время оставался героемъ дня и приобрѣлъ особенную популярность въ женскомъ пансіонѣ. Только одна пансіонерка не могла раздѣлять восторговъ юныхъ поклонницъ неустрашимого воина, — это была хорошенькая Берта, которую на другой-же день отправили, подъ надзоромъ маменьки, въ деревню.

Нѣсколько дней спустя, фрейленъ Идуна Леренкраусъ получила съ почтой письмо; на конвертѣ былъ написанъ ея полный адресъ. Женихъ сообщалъ ей, что онъ согласенъ нести далѣе бремя жизни, если ему будетъ оказана хотя небольшая матерьяльная поддержка.

Но и поручикъ фонъ Голькеръ получилъ съ почты необыкновенно большой и тяжелый пакетъ съ печатами. Онъ былъ не мало удивленъ, когда оттуда выпала пачка ассигнацій на триста марокъ, въ видѣ гонорара за его первый романъ. Не всякому начинающему автору везетъ такое счастье!

Къ деньгамъ была приложена записка слѣдующаго содержанія:

„Заплатите свои долги, не дѣлайте новыхъ, а главное берегитесь разыгрывать еще разъ исторію Геро и Леандра“.

Всѣ усилія фонъ Голькера отыскать неизвѣстное лицо, пославшее ему деньги, оказались тщетными и онъ, какъ истый джентльменъ, рѣшилъ истратить эту сумму съ благородной и общепользною цѣлью.

Поручикъ задалъ товарищамъ превосходный ужинъ и отпраздновалъ съ ними при звонѣ бокаловъ шампанскаго, свое спасеніе отъ неминуемой смерти и конецъ своего перваго романа.